

Афанасова Елена Николаевна

ДЕТСКИЕ ДОМА БУРЯТИИ КАК ФОРМА УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В 1920-Х ГГ

В статье на основе изучения материалов региональных и центральных архивов проанализирован процесс создания и развития системы детских домов в Бурятии в 1920-х гг. как одной из основных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Автором показано изменение количества детских домов в течение 1920-х гг., проведен сравнительный анализ количества детских домов Бурятии и других регионов Восточной Сибири. Введены в научный оборот статистические данные, показывающие уровень детской беспризорности на территории Бурятии в 1920-х гг. В статье описаны условия жизни детей в детских домах, показан уровень квалификации педагогических работников. Сделан вывод о недостаточном количестве детских домов в Бурятии в 1920-х гг., отсутствии условий для успешной социализации беспризорных детей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 18-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. Лазарева В. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 6-8.
5. Маслова Д. А. Участие адвоката-защитника в доказывании на стадии предварительного расследования [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2008. № 3. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 14 февраля 2000 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Победкин А. В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. 2003. № 1. С. 57-64.
8. Погодин С. Действует ли принцип состязательности на досудебных стадиях // Законность. 2005. № 3. С. 44-47.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дисс. ... д.ю.н. М., 2003. 25 с.
11. Чичканов А. Б. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 2001. № 4. С. 120-131.

EVIDENCE COLLECTION BY DEFENCE ATTORNEY WITHIN THE FRAMEWORK OF ADVERSARY CRIMINAL PROCEDURE

Ataev Kamal Asel'dergadzhievich

Ministry of Labour and Social Development of the Republic of Dagestan

ka.ataev@mail.ru

The author reveals the problem of collecting evidence by the defence attorney within the framework of adversary criminal procedure, researches the action range of the principle of adversary nature and parts equality in the Russian criminal procedure, analyzes the Criminal Procedure Code of the RF as to the regulation of collecting evidence process by the defence attorney within criminal cases, concludes that the legislator, establishing the defence attorney's rights, did not consolidate the legal mechanism of their realization, and suggests the ideas for the improvement of advocacy quality.

Key words and phrases: attorney; defence attorney; adversary principle; criminal procedural proving; evidence collection; preliminary investigation.

УДК 94(571.5)«192»

Исторические науки и археология

В статье на основе изучения материалов региональных и центральных архивов проанализирован процесс создания и развития системы детских домов в Бурятии в 1920-х гг. как одной из основных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Автором показано изменение количества детских домов в течение 1920-х гг., проведен сравнительный анализ количества детских домов Бурятии и других регионов Восточной Сибири. Введены в научный оборот статистические данные, показывающие уровень детской беспризорности на территории Бурятии в 1920-х гг. В статье описаны условия жизни детей в детских домах, показан уровень квалификации педагогических работников. Сделан вывод о недостаточном количестве детских домов в Бурятии в 1920-х гг., отсутствии условий для успешной социализации беспризорных детей.

Ключевые слова и фразы: детская беспризорность; детские дома; история Восточной Сибири; социальная история; история детства.

Афанасова Елена Николаевна, к.и.н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (филиал) в г. Усть-Илимске
lebeden81@mail.ru*

ДЕТСКИЕ ДОМА БУРЯТИИ КАК ФОРМА УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В 1920-Х ГГ. ©

Одной из малоизученных проблем отечественной истории является история детства, длительное время не воспринимавшегося как возможный предмет исторического исследования. Между тем именно дети, их положение в обществе, уровень их социальной защищенности, экономическое благосостояние являются одним из важнейших показателей эффективности реализации государственной социальной политики. Исторические события 1920-1930-х гг. лишили многих детей возможности жить и воспитываться в семье. Результатом революции, гражданской войны, репрессий, раскулачивания стало массовое распространение детской беспризорности и безнадзорности. В этих условиях важным стал вопрос организации устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Преимущественной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в советский период являлось определение детей в государственные учреждения: дома младенца, дома ребенка, общежития для беспризорных детей, детские дома. Семейным формам воспитания, а именно опеке (попечительству), патронированию, усыновлению (удочерению), уделялось незначительное внимание. Данная статья посвящена изучению деятельности детских домов на территории Бурятии в период 1920-1930-х гг. как одной из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Ввиду национальных особенностей, преобладания традиционного уклада жизни, преимущественно сельского образа жизни, детская беспризорность и безнадзорность в Бурятии не имела такого широкого распространения, как в промышленных регионах Сибири. В начале 1920-х гг. численность беспризорных детей в Бурятии была значительно ниже, чем в Иркутской и Енисейской губерниях, соответственно, количество учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, также было незначительным по сравнению с соседними регионами. Данные Таблицы 1 показывают количество детских домов в разных регионах Восточной Сибири в 1923 г.

Таблица 1.

Количество детских домов в регионах Восточной Сибири в 1923 г. [5, д. 596, л. 21]

Наименование административной единицы	Количество детдомов	Количество детей в детдомах	Количество педагогов в детских домах
Иркутская губерния	40	2637	240
Енисейская губерния	46	3138	250
БМАССР	1	43	3

Данные Таблицы 1 показывают, что в Бурятии в 1923 г. количество детских домов было в 40 раз меньше по сравнению с Иркутской губернией и в 46 раз меньше, чем в Енисейской губернии. Количество воспитанников детских домов Бурятии было меньше, чем в Иркутской губернии, более чем в 60 раз, а по сравнению с Енисейской губернией – более чем в 70 раз. Однако сравнительный анализ количественных данных зарегистрированных беспризорных в разных регионах Восточной Сибири не показывает настолько существенных отличий. В 1923 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 1800 беспризорных детей, а в БМАССР – 900 беспризорных детей [5, д. 596, л. 29], то есть количество зарегистрированных беспризорников в Бурятии было в два раза меньше, чем в Иркутской губернии.

Резкий рост детской беспризорности в Бурятии в 1922-1923 гг. был связан с осуществлением эвакуации детей в Сибирь из голодающих районов Поволжья. Главной целью эвакуации являлось спасение детей от голодной смерти, поэтому нередко эвакуация происходила с нарушением установленных норм и правил. Эвакуированные дети должны были размещаться в государственные учреждения, однако ввиду отсутствия детских домов или недостаточного их количества нередко просто выгружались из вагонов на улицу.

Существующая сеть учреждений социального воспитания, в которую в 1923 г. входили детские дома, не удовлетворяла потребности региона, не соответствовала реальному количеству беспризорных детей, и наблюдалась явная потребность в дальнейшем развертывании сети государственных учреждений для беспризорных детей Бурятии.

Ввиду понимания проблемы недостаточного количества учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, центральными и региональными органами власти период первой половины 1920-х гг. стал временем развертывания сети подобных учреждений. Этот процесс нашел отражение на территории Бурятии. Уже в январе 1924 г. в Бурятии работало пять детских домов, в которых воспитывалось 397 детей. Распределение детей по детским домам, возрастной и половой состав воспитанников показаны в Таблице 2.

Таблица 2.

Детские дома БМАССР на 1 января 1924 г. [9, д. 80, л. 106]

Название детдомов	Общее количество детей	Пол		Количество детей дошкольного возраста	Количество детей школьного возраста
		мужской	женский		
Верхнеудинский	131	81	50	27	104
Троицкосавский	74	33	41	13	61
Торейский	97	51	46	28	69
Сартало-Гыгетуйский	32	21	11	6	26
Цаган-Усунский	63	32	31	13	50
Всего	397	218	179	87	310

Данные Таблицы 2 показывают увеличение количества детей, размещенных в детские дома Бурятии, по сравнению с данными 1923 г. более чем в девять раз, преобладание детей школьного возраста в детских домах. В июне 1924 г. в Бурятии работало уже шесть детских домов, в которых проживало 429 детей [9, д. 309, л. 24]. Однако во второй половине 1924 г. был взят курс на объединение мелких детских домов с целью концентрации

финансовых и кадровых ресурсов, материально-технического обеспечения. В результате реализации политики объединения детских домов уже в октябре 1924 г. на территории Бурятии действовало пять детских домов, в которых воспитывалось 445 детей [Там же]. В 1924 г. был взят курс на реэвакуацию детей, привезенных с голодающих регионов центральной России в 1922-1923 гг. В связи с проведением так называемой «разгрузки» детских домов число данных учреждений и количество детей в них, начиная с 1925 г., сокращаются, что доказывают данные Таблицы 3.

Таблица 3.

Детские дома БМАССР [9, д. 309, л. 24]

Дата	Количество детских домов	Количество детей в детских домах
На 1 июня 1924 г.	6	429
На 1 октября 1924 г.	5	445
На 1 октября 1925 г.	3	368
На 1 октября 1926 г.	2	165
На 1 января 1927 г.	1	135

Анализ данных, представленных в Таблице 3, показывает сокращение количества детских домов в период с 1924 г. по 1927 г. в шесть раз и снижение количества воспитанников в детских домах примерно в три раза. Реэвакуация детей должна была осуществляться в соответствии с инструкцией Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и Народного комиссариата просвещения РСФСР от 5 января 1924 г. Перевоз детей осуществлялся за счет средств местных органов народного образования. Финансовые средства выделялись на оплату железнодорожного проезда, продуктов питания из расчета удвоенного периода проезда, приобретение необходимой одежды и обуви. Из Бурятии в 1924 г. было отправлено на родину 100 детей. Всего на реэвакуацию детей из Бурятии в 1924 г. было потрачено 5 895 рублей золотом [Там же, д. 305, л. 207]. Из 100 детей восемь были отправлены в Москву, восемь – в Казань, 66 – в Уфу, по одному ребенку – в Оренбург, Омск, Петропавловск и Нижний Новгород, по трое детей – в Самару и Вятку, шесть детей – до Челябинска, двое – до Перми [Там же].

Однако организованная реэвакуация детей на родину 1924 г. не решила проблему детской беспризорности в Бурятии. По данным 1925 г. около 40% детей в детских домах Бурятии были из других регионов и должны были быть реэвакуированы. Из них только 80 детей были реэвакуированы организованным способом, остальные – «самостоятельно» [10, д. 29, л. 3]. Нередко дети сбегали из детского дома, без железнодорожных билетов проникали в вагоны и пытались добраться домой самостоятельно. Такое «гастролерство» вызвало очередной рост уличной беспризорности. По данным 1925 г. на территории Бурятии насчитывалось уже 954 беспризорных ребенка. Из них 497 детей срочно нуждались в размещении в детские дома: 194 человека занимались бродяжничеством и «питались миром», 303 – были полусиротами, то есть имели в живых только одного родителя, который нередко не справлялся со своими родительскими обязанностями. 457 детей нуждались в материальной помощи для приобретения одежды, обуви, продуктов питания [Там же]. За год количество беспризорных детей на улице увеличилось на 120 детей [Там же]. При этом финансовые возможности республики не позволяли открыть дополнительные детские дома, а существующие детские дома были нередко переполненными. В результате дети оставались на улице до освобождения мест в существующих детских домах.

В 1926 г. 282 ребенка нуждались в размещении в детские дома [Там же, д. 62, л. 10]. Важно отметить, что уличная беспризорность на территории Бурятии была преимущественно русской по национальности. Так, по данным 1926 г. в Верхнеудинске из 60 беспризорников 58 были русскими, в Троицкосавске из 70 беспризорников русскими были 60. В Баргузинском на 13 русских беспризорников приходился только один бурятской национальности [Там же]. Несмотря на наличие уличной беспризорности, в 1926 г. продолжалось сокращение не только количества детских домов, но и числа детей в них, что показывают данные Таблицы 4.

Таблица 4.

Сокращение количества воспитанников детских домов Бурятии в 1925-1926 гг. [10, д. 62, л. 10]

Дата	Верхнеудинский детдом	Троицкосавский детдом
1 октября 1925 г.	210	139
1 января 1926 г.	106	99
1 апреля 1926 г.	105	76
1 июня 1926 г.	104	60
1 октября 1926 г.	100	65

Из данных, представленных в Таблице 4, видно, что сокращение в Верхнеудинском детском доме составило 52,3%, а в Троицкосавском детском доме – 53,2%. На заседании Коллегии Народного комиссариата просвещения БМАССР отмечалось: «Разгрузка детских домов происходила без плана. Дети просто выгружались. Часть из них была передана родителям и родственникам, несколько человек были определены на производство, а некоторые стали беспризорными, правонарушителями, контрабандистами, нищими» [Там же].

В 1927 г. на территории Бурятии работало только два детских дома, в которых воспитывалось 193 ребенка. При этом уличная беспризорность сохранялась, 560 детей оставались беспризорными и безнадзорными [6, д. 257, л. 12]. В 1929 г. в Бурятии действовало уже четыре детских дома, в которых проживало 260 детей [Там же, л. 33].

Анализ жизни детей в детских домах Бурятии показывает фактическое отсутствие условий и возможностей для воспитания и образования детей, подготовки их к самостоятельной жизни. Нередко детские дома размещались в старых, непригодных помещениях, которые не соответствовали санитарным требованиям. Мебель обычно была старой, в некоторых детских домах ощущался явный недостаток предметов мебели. Нередко дети спали по двое, а иногда и по трое на одной кровати. Одежда детей была изношена, часто на одного ребенка приходилось только по одной смене белья. Не выполнялись требования по раздельному проживанию мальчиков и девочек. Здоровые дети нередко проживали совместно с детьми, имеющими серьезные отклонения в состоянии здоровья. Мастерские, в которых дети могли получить трудовые навыки, в большинстве детских домов отсутствовали ввиду недостаточного финансирования. Отсутствие своих участков земли, скота, сельскохозяйственного оборудования во многих детских домах делало невозможным обучение воспитанников традиционному для Бурятии занятию сельским хозяйством [9, д. 309, л. 166].

Акт обследования Троицкого детского дома в 1927 г. показывает типичную для того периода времени картину. Троицкий детский дом располагался в здании бывшего монастыря. Все здания требовали капитального ремонта. Питание детей было явно недостаточным и однообразным. Дневной рацион питания детей был следующим: на завтрак – чай с хлебом и молоком, на обед – суп, на ужин – второе блюдо (каша, картофель, рыба) и чай [10, д. 91, л. 44]. Стоимость дневного рациона питания воспитанника составляла всего 21 копейку. Результаты обследования детского дома показали полное отсутствие постельного белья, зимней одежды и обуви, недостаточное отопление и освещение. Неудовлетворительные условия жизни детей в детских домах сказывались на состоянии здоровья. Из 54 воспитанников только 15 были здоровыми. 21 воспитанник болел чесоткой, 8 – трахомой, 3 – венерическими заболеваниями, 6 – экземой, 2 – туберкулезом. Даже при таком высоком уровне заболеваемости осмотры детей врачом были большой редкостью [Там же].

Кадровый вопрос в детских домах Бурятии оставался нерешенным на протяжении 1920-х гг. Воспитатели со специальным образованием и достаточным уровнем квалификации, позволяющим работать с бывшими беспризорниками, нередко отсутствовали. В течение 1920-х гг. ощущалась нехватка педагогического персонала в детских домах. Так, в 1925 г. из необходимых 35 работников детских домов фактически насчитывалось 27. Из них среднее образование было только у 18 работников [9, д. 102, л. 15]. Зарплата педагогических работников в детских домах была существенно ниже, чем у учителей в школах. При этом условия работы в детском доме были значительно сложнее, чем в сфере среднего образования. Ввиду этого привлечь квалифицированного педагогического работника в детский дом было практически невозможно.

Таким образом, детские дома на территории Бурятии в 1920-х гг. стали основной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Несмотря на то, что количество детских домов и мест в них не соответствовало потребностям региона, во второй половине 1920-х гг. произошло резкое сокращение сети детских домов. Условия жизни в детских домах, низкий уровень квалификации педагогических кадров, отсутствие эффективно организованного начального профессионального обучения существенно осложняли процесс социализации беспризорных детей.

Список литературы

1. Батоев С. Д. Становление и развитие охраны материнства и детства в Бурятии (середина XIX – начало XXI в.): автореф. дисс. ... к. мед. н. М., 2012. 23 с.
2. Беляев А. А. Шефство комсомола над детскими домами (на материалах Тамбовской области 1946-1953 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 18-21.
3. Блонский Л. В. Ликвидация детской беспризорности периода НЭПа: нижеволжский опыт. Саратов: Наука, 2009. 222 с.
4. Бошкетуев А. В. Население Бурятии в 1920-1930 гг.: дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2002. 210 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-1575. Оп. 1.
6. ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1.
7. Ибрагимов Е. В. Роль детских домов в решении проблемы детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на материалах Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 3. С. 56-59.
8. Маслова О. Б. «Мы окружены целым морем детского горя...»: ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 169 с.
9. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 60. Оп. 1.
10. НАРБ. Ф. 281. Оп. 1.
11. Оличева О. А. Государственная политика в отношении беспризорности и преступности несовершеннолетних в 1917-1941 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2009. 25 с.
12. Пашенко Н. В. Проблемы работы с детьми и несовершеннолетней молодежью в первые годы НЭПа (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний): автореф. дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2006. 22 с.
13. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: дисс. ... д.и.н. Самара, 2011. 488 с.
14. Тепцова Р. Н. Деятельность московских городских властей в сфере охраны детства в 20-30-е гг. XX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2010. 25 с.

ORPHAN HOMES OF BURYATIA AS FORM OF CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE ORGANIZATION IN THE 1920S

Afanasova Elena Nikolaevna, Ph. D. in History

Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President (Branch) in Ust'-Ilimsk
lebeden81@mail.ru

The author, basing on the study of regional and central archives materials, analyzes the process of orphan homes creation and development in Buryatia in the 1920s as one of the main forms of children without parental care organization, shows the change in the number of orphan homes in the 1920s, conducts the comparative analysis of the number of orphan homes in Buryatia and other regions of Eastern Siberia, introduces the statistical data showing the level of child homelessness in Buryatia in the 1920s into scientific circulation, describes the living conditions of children in orphan homes, shows the level of teachers' qualification, and comes to the conclusion about the insufficient quantity of orphan homes in Buryatia in the 1920s, the absence of conditions for homeless children's successful socialization.

Key words and phrases: child homelessness; orphan homes; history of Eastern Siberia; social history; history of childhood.

УДК 94(47)084.5

Исторические науки и археология

В статье рассматривается процесс трансформации самообложения во второй половине 1920-х годов. Анализируется законодательное регулирование самообложения и его подчинение задачам налоговой политики государства. Показывается, что в 1924-1927 гг. государство сохраняет традиционные принципы самообложения: добровольность, уравнительность и полновластие земельных обществ в распоряжении средствами. В 1927-1929 гг. земельные общества лишаются финансово-экономических прав, самообложение переходит в руки местных Советов. Государство определяет его цели и порядок использования. Самообложение теряет самостоятельный характер и включается в систему прямых обязательных платежей, трансформируясь в разновидность единого сельскохозяйственного налога.

Ключевые слова и фразы: самообложение; прямые платежи крестьянства; налоговая политика; земельные обществу; сельский сход; обязательное самообложение; сельские Советы; единый сельскохозяйственный налог.

Беркутов Алексей Алексеевич

Пензенский государственный университет
Berkutovaa@yandex.ru

САМООБЛОЖЕНИЕ В ПРЯМЫХ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖАХ КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ[©]

Проблема размера и структуры прямых платежей крестьянства в годы нэпа приобрела важнейшее значение в общеэкономической и аграрной политике Советского государства. Через платежи крестьянства государство решало задачу сосредоточения в своих руках максимально возможного объема материальных и финансовых ресурсов с их последующим перераспределением между секторами экономики и сферами государственного управления в целях формирования фонда накопления, необходимого для начавшейся во второй половине 1920-х гг. индустриализации. Одновременно платежи крестьянства, особенно прямые налоговые, использовались как средство регулирования накопления в различных социально-экономических группах крестьянства на основе так называемого принципа классового подхода. При этом размер платежей лимитировался необходимостью оставления в аграрном секторе экономики достаточных финансовых ресурсов для обеспечения роста сельскохозяйственного производства, которое развивалось в годы нэпа как комплекс индивидуальных крестьянских хозяйств. Данное обстоятельство диктовало и необходимость определения наиболее рационального объема изъятия средств из сельского хозяйства.

Самообложение как местный налог являлось частью прямых платежей крестьянства и играло важную роль в налоговой политике Советского государства в деревне, внося свою долю в наполнение местного бюджета, решение насущных хозяйственных и культурных проблем деревни и регулирование накоплений в различных социально-экономических группах крестьянства. При этом во второй половине 1920-х годов происходит превращение самообложения из традиционного самостоятельного добровольного сбора в рамках земельного общества в разновидность прямого налогового платежа и часть сельских и волостных местных бюджетов. В статье рассматривается место самообложения в системе налогообложения крестьянства и процесс его трансформации во второй половине 1920-х годов.